

3. *Тарасевич, Л. А.* Семантика пространственных предлогов в зеркале количественных показателей (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўнів-та*: Минск, 2014, с. 40–47.
4. *Жирмунский, В. М.* История немецкого языка / В. М. Жирмунский. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 300 с.
5. *Ярцева, В. Н.* Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
6. *Buscha, J.* Die deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / J. Buscha, G. Helbig. – Berlin und München: Langenscheidt KG, 2001. – S. 654.
7. *Чеботарева, Г. Н.* Колебания в функционировании предлогов: семантика и структура: дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.04 / Г. Н. Чеботарева – Тамбов, 2005. – 178 с.
8. *Адмони, В. Г.* Исторический синтаксис немецкого языка / В. Г. Адмони. – М. : Высшая школа: 1963. – 335 с.
9. *Нефедов, С. Т.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология / С. Т. Нефедов. – Изд-во С.-Петербур. ун-та, СПб.: 2018. – 354 с.
10. *Шведова, И. В.* Исторический аспект падежной системы немецкого языка / И. В. Шведова – *Вестник ТГУ*, Тамбов: 2009. – с. 273–276.
11. *Sommerfeld, K.-E.* Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache / K.-E. Sommerfeld. – Leipzig : 1988. – 267 S.
12. *Braun, P.* Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten / P. Braun. – Stuttgart; Berlin; Köln : 1998. – 265 S.

The New High German period was characterized by the growth in the number of prepositions, the formation of their new semantic subgroups and the expansion of the use of prepositions already existing in the language. The development of the system of prepositions in German must be further investigated.

Поступила в редакцию 18.12.2019

А. Р. Чернецкий

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ ТАКТИК ВОЗМУЩЕНИЯ
В КОНФЛИКТНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ
(на материале французских и белорусских художественных текстов)**

Статья посвящена исследованию тактики возмущения, употребляемой в речевых конфликтах, и способов ее выражения в общении на французском и белорусском языках. При анализе конфликтного речевого взаимодействия выявлены языковые средства и речевые способы конфронтационного воздействия на адресата при реализации данной речевой тактики, определен их прагматический потенциал с опорой на различные компоненты коммуникативной ситуации.

Актуальность статьи обусловлена распространенностью речевых конфликтов во всех сферах жизни, что требует изучения особенностей регулирования межличностных отношений коммуникативных партнеров во французской и белорусской лингвокультурах. Как правило, художественная литература передает социально-культурную картину той или иной страны, что позволяет изучать национальную специфику общения [1].

Заметим, что в данном исследовании под *возмущением* понимается эмотивное выражение возмущения говорящим, а не его спонтанное, естественное проявление этой эмоции (которая может выражаться другими тактиками конфронтации).

В «Толковом словаре...» С. И. Ожегова *возмущение* определяется как сильное раздражение, негодование (например, *в крайнем возмущении*) [2, с. 89].

Обобщенное определение *indignation* ‘возмущение’, взятое из французских словарей, может быть представлено следующим образом: *Sentiment de révolte, de mépris et de rancœur suscité par tout ce qui peut provoquer la réprobation, heurter la conscience morale (comme une insulte, une action mauvaise ou honteuse, une indignité ou une injustice)* ‘Чувство протеста, презрения и горечи, порожденное всем, что может вызвать осуждение, оскорбить моральное сознание (например, обида, плохой или постыдный поступок, недостойность или несправедливость)’ [3].

Следовательно, *тактика возмущения* направлена на последующее устранение несоответствия всеобщим этическим принципам морали и нравственности какого-либо неблагоприятного действия адресата: оскорбления, злого или предосудительного поступка, несправедливости или нанесения обиды.

Воздействующим эффектом тактики возмущения является осознание адресатом своего проступка и сожаление о содеянном благодаря выраженному говорящим чувству негодования, презрения и горечи.

При реализации речевой тактики возмущения основные значения приобретают следующие релевантные компоненты коммуникативной ситуации: говорящий (недовольная сторона), адресат (объект недовольства), предмет возмущения, социальные нормы поведения, эмоциональное состояние говорящего. Хотя проявление эмоциональности характерно для всех тактик конфронтации, выражение эмоционального состояния как компонент коммуникативной ситуации присутствует только в реализациях тактики возмущения в форме прямого указания говорящим на чувства, которые в нем вызвало действие-конфликтоген со стороны адресата (см. выше определение понятия *indignation* ‘возмущение’ через родовое понятие *sentiment* ‘чувство’).

Мотивом конфликтного общения часто становится изначально предвзятое отношение к собеседнику, причиной которого может быть плохое настроение говорящего или просто желание противоречить адресату во всем без всяких оснований. В данном случае наблюдается отсутствие конфликтогена.

– *J'ai dit que je ne voulais pas de poisson aujourd'hui! Quand m'écouteras-tu?...*

– *On va te commander autre chose, souffle Diva en posant sa main sur la sienne.*

– ***Mais je ne veux pas «autre chose»! D'abord, j'ai faim et je veux manger. Cela fait une demi-heure que j'attends! Mais ça, tu t'en moques!...***

– *Allons-nous-en, si tu préfères!* [4, p. 194]

Молодой человек приходит по приглашению своей возлюбленной Дивы в ресторан и обнаруживает, что она уже заказала рыбу. Он упрекает Диву в том, что она его не слушает, потому что он уже говорил, что сегодня не хочет рыбы на ужин (*J'ai dit que je ne voulais pas de poisson aujourd'hui!* 'Я же сказал, что не хотел сегодня рыбы!'). Тогда Дива полупшепотом предлагает поменять заказ (*On va te commander autre chose* 'Мы сейчас тебе закажем что-нибудь другое'). Приятель Дивы продолжает конфронтационные действия, возмущаясь ее предложением (*Mais je ne veux pas «autre chose»!* 'Да не хочу я «чего-нибудь другого!»'). Высказывание с возмущением является лишь придиркой к словам адресата, так как не соответствует истинным желаниям говорящего (ср. его противоречивые высказывания: *je ne voulais pas de poisson* 'я не хотел рыбы', *je ne veux pas autre chose* и *j'ai faim et je veux manger* 'я голоден и хочу есть').

Па сенажаці ў чарадзе кароў важна пахаджвалі буслы, выглядаючы сваю спажыву.

– *У вас там, у Расіі, такіх прыгожых птушак няма! – не адставаў Мішка.*

Гэтыя яго словы чамусьці зноў узялі хлопца [Васю] за жывое. Іншым разам ён, магчыма, і не звярнуў бы на іх увагі, а цяпер не выцярпеў.

– ***Няпраўда! У нас яшчэ лепшыя ёсць!*** – *запярэчыў ён.*

– *Расеец!* – *сказаў Паздзей.*

Гэта была ўжо прамая абраза. [5, с. 72]

Умышленное сокрытие правды от собеседника выступает сильным речевым конфликтогеном и провоцирует использование им одной из тактик конфронтации. В большинстве случаев в данном контексте используется возмущение.

Le professeur était assis derrière son bureau... On frappa à la porte... Lauren entra sans attendre.

– *Pourquoi m'avez-vous caché la vérité?*

– *J'étais en train de vous l'écrire.*

– *Je suis en face de vous, alors parlez-moi!*

– *Vous songez probablement à cet hurluberlu qui passait ses journées dans votre chambre. Après avoir hésité à l'interner pour démence précoce, je me suis contenté de le neutraliser.*

– ***Foutaise!*** *cria Lauren en tapant du poing sur le bureau du professeur Fernstein. Dites-moi la vérité!*

– *Vous la voulez vraiment, la vérité? Je vous préviens qu'elle n'est pas facile à entendre.* [6, p. 292–293]

Лорен, узнав, что ее наставник профессор Фернштейн скрывал от нее правду о том времени, когда она находилась в коме, входит в его кабинет и требует от него объяснений (*Pourquoi m'avez-vous caché la vérité?* ‘Почему Вы скрыли от меня правду?’). Когда профессор пытается уклончиво повторить только то, что она уже знает о незнакомце, который проводил свое время у ее постели, не называя его имени, Лорен перебивает Фернштейна. В гневе ударив по столу, она переходит на крик, возмущаясь тем, что Фернштейн не говорит ей всю правду (*Foutaise! ‘Вздор!’*). Используемая тактика возмущения, выраженная лексемой сниженного стиля *foutaise* ‘вздор’, некорректна по отношению к старшему по возрасту собеседнику с более высоким статусом и неуместна в ситуации, в которой адресат и так был намерен совершить действие, имплицитное тактикой возмущения (*J'étais en train de vous l'écrire* ‘Я как раз Вам ее [правду] писал’).

Саша падышла да Брылёва, папытала пра Кутняка... Але Брылёў паціснуў плячыма, сказаў, што яшчэ не бачыў яго.

– ***Што ты мне маніш? – абурылася дзяўчына, – я ж цудоўна бачыла, як ён сядзеў на падваконні, а на вешалцы вісіць яго куртка!***

– *Не хвалюйся, Саша, – крануўся яе пляча Міласлаўскі. – Кутняк пабег за гарэлкай...* [7, с. 357]

Косвенно выраженное возмущение, идентифицируемое благодаря невербальным и паравербальным компонентам коммуникативной ситуации (мимика, жесты, положение тела, интонация, тембр), обычно передается высказываниями с интеррогативным значением.

Eric, comme beaucoup d'intellectuels, n'a envie ni de se mouiller, ni de l'être.

– *Elle est délicieuse! On a tout de suite chaud, il suffit de nager un peu! Viens donc! Essaie... Tu vas voir!*

Eric a beau grommeler qu'il est très bien comme ça, Diva lui tourne autour, l'éclabousse, jusqu'à ce qu'il se redresse sur sa belle serviette colorée et lui jette avec colère:

– ***Tu ne peux donc pas me laisser un instant tranquille! Tu ne vois donc pas que je n'en peux plus, avec toi jappant sans cesse autour de moi!***

Diva demeura sidérée. [4, p. 187–188]

На пляже молодая девушка Дива, искупавшись, выходит на берег и подходит к сидящему на подстилке приятелю Эрику, который не хочет купаться. Она пытается уговорить его тоже пойти с ней в такую «чудесную» воду (*Elle est délicieuse! On a tout de suite chaud* ‘Она восхитительна! Сразу же становится тепло!’), но Эрик, немного рассердившись ее напористостью, отказывается, так как на пляже ему лучше. Его возмущение вызывают действия Дивы (*Diva lui tourne autour, l'éclabousse* ‘Дива крутится возле него, обрызгивает водой’): Эрик гневно требует не мешать ему загорать (*Tu ne peux donc pas me laisser un instant tranquille!* ‘**Ты не можешь оставить меня**

в покое ни на секунду!'). Возмущение с элементами неполного дистанцирования на поверхностном уровне имеет форму экскламативного псевдо-вопроса, но, по сути, выполняет функцию побуждения. Несмотря на косвенно выраженное возмущение, реакция адресата (*Diva demeura sidérée* 'Дива изумилась') свидетельствует об эффективности тактики.

В белорусском корпусе подобных косвенных выражений возмущения нами не было отмечено.

Косвенность выражения возмущения иногда состоит в не прямой номинации адресата – объекта возмущения.

– *Te voilà! dit Pierson. On te croyait mort. Alexandre s'en faisait, de la bile! Alexandre regarda Maillat.*

– *Mais qu'est-ce que tu as?... Qu'est-ce qui t'arrive?*

– *Rien, dit Maillat.*

Il se mit à crier tout d'un coup:

– *Rien! Tu entends! Rien!*

Alexandre s'assit, puis... redressa le torse.

– *Et voilà! dit-il. Monsieur est en retard d'une heure. Monsieur sèche son tour pour la vaisselle. Et quand Monsieur revient, Monsieur m'engueule!* [8, p. 207, 209–210].

Когда партизан Майя возвращается с задания с большим опозданием, его соратники Пьерсон и Александр, волнуясь из-за состояния товарища, спрашивают, в чем причина его опоздания (*Mais qu'est-ce que tu as?... Qu'est-ce qui t'arrive?* 'Да что с тобой?... Что с тобой случилось?'). Майя, не желая рассказывать, отвечает, что ничего особенного не произошло (*Rien* 'Ничего'), затем внезапно начинает кричать, что с ним все в порядке (*Rien! Tu entends! Rien!* 'Ничего! Слышишь?! Ничего!'). Понимая свое превосходство в данной ситуации, Александр возмущается неоправданным гневом Майя (*Monsieur est en retard d'une heure. Monsieur sèche son tour pour la vaisselle* '**Месье опаздывает на час. Месье пропускает свою очередь по мытью посуды**'). Его возмущение достигает кульминации в конце высказывания (*quand Monsieur revient, Monsieur m'engueule!* '**когда месье возвращается, месье меня отчитывает!**'). Одним из важных средств демонстрации возмущения и дополнительного дистанцирования выступает не прямое обращение к адресату как к третьему лицу (*Monsieur* 'месье'), которое повторяется четыре раза и тем самым усиливает тактику возмущения, повышая ее эффективность.

Прадаўшчыца ўжо са злосцю выхапіла няшчасныя пяць рублёў, спапяляючы яго [Давыдчыка] позіркам, таму што быў канец месяца, гарэў план, а да плана не хапала якраз столькі, колькі каштуе сіні замежны плашч.

– *А вы не дужа ласкавыя, – не стрымаўся Давыдчык, ідучы да дзвярэй.*

– *Набярэшыся на кожнага ласкі! – агрызнулася прадаўшчыца з шэрымі вачыма. – Тут за дзень сотні такіх пераварочваецца.* [9, с. 26]

Возмущение может выражаться в форме указания говорящим на негативное эмоциональное состояние, которое вызывает у него поведение/речь адресата или третьего лица.

– *Maman, vous pouvez m'accorder une minute?*

– *Tu vois bien que je suis occupée, mon petit.*

Politesse rendue. A toi de jouer. J'avance en roulant un peu des épaules.

– *Je regrette, mais nous avons un petit compte à régler.*

...Folcoche fait face. Comme il s'agit de choses graves, elle ne crie pas sa fureur, elle la siffle.

– ***Tu commences à m'agacer, mon garçon! Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici.*** [10, p. 149]

Мальчик Жан подходит к матери и, впервые называя ее *maman* 'мама', просит поговорить с ним (*vous pouvez m'accorder une minute?* 'Вы можете уделить мне минутку?'). Понимая, что вежливость сына неискренна и скрывает его реальные намерения, Психимора, тем не менее, отвечает вежливостью на вежливость (*mon petit* 'мой малыш'). Жан подходит к ней вплотную и, притворно извиняясь (*Je regrette* 'Сожалею'), заявляет, что они должны выяснить отношения (*nous avons un petit compte à régler* 'нам надо свести счеты'). Разъяренная авторитарная мать возмущается дерзостью сына-бунтаря (*elle ne crie pas sa fureur, elle la siffle* 'она не кричит от ярости, а шипит'), тем, что он выводит ее из себя (*Tu commences à m'agacer* 'Ты начинаешь меня раздражать'). Мать пытается поставить сына на место (*Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici* 'В этом доме приказы отдаю только я'). Сочетание двух потенциально эффективных тактик возмущения – эмоциональной (*Tu commences à m'agacer*) и статусно-регулирующей (*Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici*) – не достигает ожидаемого эффекта ввиду нежелания сына подчиняться матери.

– *А чаго ты такі вясёлы?*

– *Сказалі, што будуць такіх, як Пух, лавіць і адстрэльваць, як шалёных сабак. Адплача ён крывавамі слязамі за тое, што атруціў мяне.*

– *Ай, Гардзеі, не радуйся чужой бядзе, дык і свая, можа, не кране.*

– ***Ты мяне не ведаеш, я яму гэтага ніколі не дарую! Ён жа мяне калекам зрабіў! Хто я такі цяпер, па-твойму? Вар'ят! Дурань! Шызафрэнік!*** [11, с. 265]

В конфликтных ситуациях общения лексика сниженного стиля может выражать отдельную тактику, передавая возмущение самостоятельно, или сопровождать другую тактику возмущения, повышая ее интенсивность.

...le conseil de discipline autour de Pierre se tint dans la bibliothèque...

Dès la première question, il buta sur les mots «extorsion» et «racket»...

...On allait donner à Pierre les moyens de ne plus être embêté par ses camarades.

– *...A présent, ouste, rentre chez toi.*

– ***Pourquoi mon père n'est pas là? On a le droit de cuisiner un élève en cachette de ses parents? C'est quoi cet interrogatoire de merde?***

– *Reste poli s'il te plaît et rentre chez toi!* [12, p. 171–173, 176]

В школе на дисциплинарном совете учителя во главе с директором расспрашивают Пьера, кто и при каких обстоятельствах донимает его

вымогательством, от него требуют подробного описания событий и имен главарей. В конце собрания накопленное негодование Пьера выплескивается: он не без оснований возмущается отсутствием на совете его родителей (*Pourquoi mon père n'est pas là? On a le droit de cuisiner un élève en cachette de ses parents?* ‘Почему здесь нет моего отца? Разве есть такое право допрашивать ученика втайне от его родителей?’), называя дисциплинарный совет «паршивым допросом» (*C'est quoi cet interrogatoire de merde? 'Что это за паршивый допрос?'*). Возмущение Пьера выражается, в основном, сниженной лексикой *cuisiner* ‘разг. допрашивать’ и *de merde* ‘паршивый, дерьмовый’, не свойственной официальной ситуации (дисциплинарный совет) и не соответствующей восходящему статусному вектору общения (ученик обращается к директору школы). Такое языковое оформление тактики вызывает правомерное замечание директора: *Reste poli s'il te plaît* ‘Будь вежлив, пожалуйста’. Тактика возмущения неэффективна, так как дисциплинарный совет во главе с директором не реагирует на нее.

– *Ах, боўдзіла! – сханіла палена і кінулася наўздагон маці.*

– *Стой! – закрычаў на яе дзядзька, выхачіў палена з рук, шпурнуў на дрывацень. – Ты што, здурэла?! Ды ведаеш, галава садовая, хто ў вас расце?!*

– *Хто?.. – разгублена апусціла рукі маці.*

– *Вундэркінд! Во хто!*

– *А я думала: хай як-кольвек васьмігодку даб'е ды прыстроіць на ветырынара. Ты думаеш, лепей у гэтыя... пісацелі?*

– *От жа дурная баба! – аж заклаваў дзядзька. – У хлопца талант, можна сказаць, божы дар, а яна – ветыры-ына-ар... [13, с. 168–169]*

Таким образом, использование речевой тактики возмущения как во французской, так и в белорусской лингвокультурах обычно обусловлено изменением отношения говорящего к своему коммуникативному партнеру, который вызывает в нем негативные эмоции. Национальная специфика белорусов проявляется в более систематическом выражении этих эмоций открыто, напрямую, в то время как франкофоны чаще передают их с помощью косвенных, завуалированных форм, например, вопросительных предложений. Используемая в речи белорусских коммуникантов лексика сниженного стиля, характерная для речевой тактики возмущения, также более распространена и разнообразна, чем у французов, которые предпочитают уничижительную лексику, близкую к нейтральной, стилистически немаркированной.

В исследованном нами корпусе встречаются следующие подтипы речевой тактики возмущения:

1) нетерпение (возмущение *нерасторопностью* адресата);

2) возражение, протест (возмущение с выражением *несогласия* с мнением адресата);

3) враждебность, неприязнь (*неправомерное* возмущение, основанное на предвзятом отношении к адресату).

Кроме того, в конфликтном речевом взаимодействии могут реализовываться следующие виды возмущения:

- возмущение-одергивание;
- возмущение-настойчивое повторение;
- возмущение-дистанцирование;
- возмущение-перефразирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якищенко, Е. А. Возмущающаяся языковая личность: коммуникативно-прагматический подход (на материале английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Якищенко ; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2014. – 19 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1995. – 999 с.
3. Dictionnaire français en ligne [Ressource électronique] // LEXILOGOS : mots et merveilles d'ici et d'ailleurs. – Mode d'accès: https://www.lexilogos.com/francais_dictionnaire.htm. – Date d'accès: 18.11.2019.
4. Chapsal, M. Si aimée, si seule / M. Chapsal. – Paris : Libr. A. Fayard, 1990. – 417 p.
5. Гніламёдаў, У. В. Вяртанне / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Мастац. літ., 2008. – 429 с. – (Беларуская проза XXI стагоддзя).
6. Levy, M. Vous revoir / M. Levy. – Paris : Éd. R. Laffont, 2005. – 320 p.
7. Адам, М. М. Мыла / М. М. Адам // Шоўк : аповесці, раман. – Мінск : Мастац. літ., 2013. – 366 с. – С. 79–146.
8. Merle, R. Week-end à Zuycdcoote / R. Merle. – Paris : Gallimard, 1987. – 244 p.
9. Гаўрыловіч, У. М. Забранае шчасце / У. М. Гаўрыловіч // Плата за каханне : раман, аповесць, апавяданні. – Мінск : Мастац. літ., 2007. – 254 с. – С. 5–182.
10. Bazin, H. Vipère au poing ; La mort du petit cheval ; Cri de la chouette / H. Bazin. – Moscou : Progrès, 1979. – 528 p.
11. Дудзюк, З. І. Слодыч і атрута / З. І. Дудзюк. – Мінск : Мастац. літ., 2013. – 398 с.
12. Queffélec, Y. Osmose / Y. Queffélec. – Paris : Éd. R. Laffont, 2002. – 275 p.
13. Блакіт, В. Усмешка Фартуны / В. Блакіт // Усмешка Фартуны : аповесці. – Мінск : Юнацтва, 1984. – 288 с. – С. 154–288.

The article is devoted to the study of the tactics of indignation used in speech conflicts, and the means of its expression in communication in French and Belarusian. Analysis of the verbal conflict helped identify certain interaction language tools and speech methods of confrontational influence on the addressee during the use of the speech tactics of confrontation; their pragmatic potential is determined on the basis of various contextual characteristics of the situation.

Поступила в редакцию 06.02.2020